

Фурньер Эжен. Эссе об индивидуализме

Книга французского социалиста Э. Фурньера (1857 - 1914) опубликована в 1901 г. в Париже; критика книги Штирнера содержится на с. 75 — 79.

В Германии создалась философская литература, рожденная романтизмом Шиллера и реализмом Стендаля, — причудливая и в то же время очень естественная смесь бунта с силой, одинаково обоготворенных. Промчалась революция, рассеяв божественное преклонение и человеческое подчинение; внезапно освободившаяся личность опьянилась своей победой. Чтобы лучше утвердить себя, она принялась за отрицание всего - как ига, от которого она освободилась, так и средств, которыми она этого добилась. Постигнув суть религии и обнажив лицемерие морали, личность стала вполне атеистической и аморальной. Осудив старый порядок за все зло, которое он причинил, личность провозгласила хаос, в котором каждый индивид должен сам знать, как устроиться для того, чтобы жить в полной независимости. И тем хуже для слабых, «рабов», которые не сумеют себя спасти. Таким образом, нам был преподнесен эгоист как наиболее совершенный человеческий тип.

Этот неполный радикализм не только чисто идеалистический, но, повторяю, более литературного, чем философского характера, к тому же еще может иметь ценность лишь как критическое орудие. Он — просто-напросто запоздалое веяние разрушительной революции прошедшего столетия. Понятый именно так, а не как образец личной и социальной жизни, он может оказать несколько услуг, но с непременным условием, чтобы с помощью внимательной критики они не были куплены слишком дорогой ценой. Но дадим ему высказаться: индивид был до сих пор рабом, говорит Макс Штирнер, и он продолжает быть таковым. После преклонения перед богами и подчинения власти, данной им его мыслью, он приписывает теперь всемогущество идеям, он их обожает и подчиняется им. Но идея человечества так же пагубна, как и идея божественности. Я действую не для человечества, а для себя. Не для того я поднял бунт против божества, чтобы подчиниться человечеству. Лишь самому себе я должен служить, только и только себе. Единственно я реален. Итак, я не должен содействовать целям человечества, а оно должно содействовать моим целям, или, скорее,, я должен пользоваться им. В противном случае я знать его не хочу. Если оно предъявляет требование, чтобы я действовал ради него, то я бунтую, ибо не имею никакого долга относительно него. Только тогда я приму его обычаи, его законы, когда они принесут мне пользу и когда будут служить средствами моего развития.

До сих пор все идет еще хорошо, и мы почти согласны со Штирнером. Он дает нам в руки критическое орудие, очень острое, самое острое из всех когда-либо выкованных чисто интеллектуальным пониманием личности. Но тотчас же видно, где оно добыто им. Это —

арсенал, сооруженный из прав человека в философии XVIII века. Но отточив это мирное орудие для постройки, Штирнер сделал из него разрушительное оружие, кинжал, острие которого обращается против того, кто им владеет. Мы знаем, действительно, уже целое столетие, что общество, в котором хотя бы один индивид поработен, вызывает бунт. Нам это известно, но мы поступаем так, как будто мы этого не знаем; оригинальность Макса Штирнера состоит, во-первых, в том, что он обратил внимание нашего духа на этот основной принцип либерализма и заставил нас оценить его последствия; во-вторых, и эта черта не менее благодетельна сама по себе, в том, что он напомнил нам пагубность преклонения перед идеями, обожанием созданий нашего ума, ибо они сотворены с целью служить нам. Вооруженные таким образом мы можем совершить .полезную критику всех законов и всякой морали, всех институтов, всех норм и обычаев. Убеждены ли мы в том, что это несравненное революционное орудие, перед которым не могут устоять рутина, почтение и преклонение, не может тем же ударом рассечь узы солидарности, образованные нашими интересами? Лекарство было бы тогда хуже, чем болезнь, ибо оно оставило бы индивида в плачевном одиночестве, в тщеславном убеждении, что ампутированный таким образом, он — целый мир, ни в ком не нуждающийся?

Макс Штирнер не прибавляет ничего существенного к этим принципам критики; кажется, и они довольствуются сами собой. Итак, недостаток их в их опасной односторонности. Они снимают с личности все, что она имела; они превращают ее в маленькую, бедную, затерявшуюся точку, не получающую ниоткуда ни света, ни тепла. Разумеется, рабство уже более не тяготит ее, ибо в ней не осталось более ничего человеческого. Нemoшь этих принципов, как мы видим, заключается в их претензии быть отдельным и полным целым, в том, что они хотят быть целостным учением, в то время как они лишь орудия критики...

Таким образом, вот что произошло: наши метафизики индивидуализма (Штирнер и Ницше) сокрушают старые принципы: культ общества — эту деспотическую абстракцию — они заменяют культом индивида — этой освобождающей действительностью. На этом пункте я настаиваю даже больше, чем Штирнер и Ницше вместе взятые, ибо считаю, что индивид находится в положительной действительности, а не в состоянии абстракции...

Сочувствие — это второй секрет, который совершенно ускользнул от теоретического эгоизма Штирнера и Ницше...

Версия #2

Зверобой создал 7 апреля 2025 21:36:45

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:31:48